

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

Часть 4. ПГУ.ру. Взаимодействие

ВИКТОР ДЕРЖАВИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Державин
Агентурная разведка. Часть
4. ПГУ.ru. Взаимодействие
Серия «Агентурная разведка», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68662890
SelfPub; 2023*

Аннотация

В этой части расскажу, как на практике взаимодействуют ГРУ и СВР (бывш. ПГУ КГБ СССР). Есть ли это взаимодействие? Или есть только война разведок? Если знаете ответы на эти вопросы – не покупайте книгу, лучше прочитайте документалистику – там всё солидно, ни одного лишнего слова, много глаголов и почти нет прилагательных. Во внешней разведке редко всё идёт по плану. Потому что во внешней военной стратегической разведке пашут такие же люди, как и вы – уважаемые читатели. Теперь вы уже знаете, что в системе стратегической внешней разведки ГРУ почти нет случайных людей. А кто служит в СВР? Может быть это какие-то таланты непревзойдённые? Или с пламенным сердцем и какими-то идеалами о новых мировых свершениях? Или это люди, которые постоянно работают над собой, трудятся, пашут и иногда чего-то добиваются, если добиваются, несмотря на свои недостатки и грехи? И, кстати, в чём на практике разница между

ГРУ ГШ и СВР? Описанное основано на реальных событиях, но изменено до неузнаваемости

Содержание

Предисловие	5
Глава 1.	12
Глава 2.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Державин

Агентурная разведка. Часть 4. ПГУ.ru. Взаимодействие

Предисловие

Жизнь по легенде не каждому по плечу. Экс-вице-премьер Израиля Ципи Ливни когда-то служила в «Моссаде», об этих годах она написала: «Это другая жизнь. Нужно уметь быть в одиночестве, скрывать, где живёшь, убеждаться, что за тобой не следят. Чувства страха не было, было ощущение полного одиночества». Она считала, что можно научиться жить в одиночестве, но оставаться в нём дольше, чем требует служебный долг, невозможно.

Почти всегда разведчик-нелегал действует в соответствии со специально разработанной до мельчайших деталей легендой – биографией фактически другого человека. То есть нелегальный разведчик – это тот, кто влезает в шкуру другого человека, биография которого придумана специально для него, в итоге разведчик становится по-настоящему другим.

Существует стереотип, что разведчик-нелегал – это прекрасно подготовленный человек, великолепно владеющий языками, имеющий железобетонные документы на имя

гражданина другой страны, лихо водящий машину, владеющий единоборствами и так далее. В общем, некий супермен, как показывают в фильмах. На мой взгляд, это правда, но отчасти.

Для большинства наших нелегалов жить жизнью другого человека – значит жить с самого придуманного детства. То есть биография разведчика не начинается с момента начала выполнения задания. Напротив, он должен знать и колыбельные песенки, которые ему пели, и стишки, и детские считалочки, и детские сказки, и массу других сложнейших, но мелких деталей и нюансов.

Обычно перед разведчиком-нелегалом ставятся чёткие задачи: что сделать, что выяснить, добыть нужную информацию. А вот как сделать – это творчество. Таким образом, именно творчество является подлинным искусством разведки. Там, где творчество, там и искусство. Творчество композитора, художника, режиссёра, командира, полководца, дирижёра, архитектора, писателя, генерального конструктора. А у разведчика? В большинстве случаев – искусство.

У меня многое было по-другому. Я жил своей жизнью, собственной биографией. Даже язык учил естественным образом. Где тут творчество? Какое тут искусство? Общим с выпускниками академии ГРУ у меня было только «как сделать» дело, «как решить» задачу – только здесь творчество. Поэтому то, что делал именно я, не считал искусством. Не имел смелости видеть себя в одном ряду с Э. Рязановым, С.

Бондарчуком, С. Рахманиновым, В. Васнецовым, М. Шолоховым. Тем более не мог себя видеть рядом с такими мастерами искусства (оперативного), как маршал Советского Союза А. Василевский или генерал армии А. Антонов. Конечно, у нас есть легендарные разведчики, единичные имена известны. Про большинство мы ничего не знаем и не узнаем. А вот считать ли работу нелегалов искусством, будет решать читатель. Я судить не могу, потому что даже «одинокость», о котором говорят все разведчики-нелегалы, у меня не было абсолютным. Одинокость была только в той части, что о моей службе не знает жена (в отличие от моих коллег). С другой стороны, в этом были и определённые плюсы, так как я не опасался ошибок жены разведчика-нелегала. В принципе, я жил обычной жизнью, своей жизнью и «шифровался» чуть больше, чем обычный семьянин, имеющий любовницу.

Но самым главным отличием от выпускников академии ГРУ (на профессиональном жаргоне «консерватория») было то, что мои коллеги изначально знают задачу, нацелены на то, чтобы добыть определённые документы и сведения. В моём случае задачи ставятся по мере моего продвижения в жизни и работе, с учётом всё новых и новых возможностей. Это намного легче и проще, это значительно снижает степень риска.

Сейчас передо мной поставлена задача продолжить снабжать наших информацией о финансировании специальных операций через калейдоскоп неправительственных органи-

заций, их агентов. Продолжить вскрытие разведывательной сети и сети специальных операций в России. Документы, случайно добытые у Ричарда, неожиданно оказались самыми секретными и важными из всех, которые я когда-либо отправлял в Центр. Недавно мне сообщили, что они на самом деле имеют высший гриф секретности НАТО «cosmic». Я этого не знал, так как завладел светокопиями, а на оригинале, с которого снималась первая копия, эта надпись была закрыта листом бумаги.

Мне сообщили, что именно эти документы вызвали очень сильный интерес в Главном оперативном управлении нашего Генштаба. Именно в этом направлении они просили ГРУ умножить усилия. Вместе с одним из сообщений был текст, который явно писался не в ГРУ, и я догадался, что его писали для меня офицеры этого управления – наши главные и основные заказчики.

Особенно наш Генштаб интересовали сведения о финансировании на территории России подготовки специальных операций. Мне объясняли, почему это важно знать. То есть авторы этого текста хотели, чтобы я хорошо понимал проблему, разбирался в ней, пусть и не на их уровне, но всё-таки что-то понимал. И их тревоги я хорошо понял.

В нужный для врага момент подготовленные специальные операции активируются и превращаются в основной вид враждебных действий, вплоть до таких, как блокирование и захват воинских частей, аэродромов, транспортных путей,

органов государственной власти и так далее. При этом нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а ограничивается диверсиями, кибервойной, информационной войной, «повстанцами» (подготовленными силами специальных операций). Тем самым она подавляет своего противника без формального объявления войны. Наши мне писали, что генералы армии США воодушевились исходом войны против СССР в Афганистане и продолжили работать в этом направлении. Добытые мною документы показывали, что финансирование специальных операций против России сильно увеличилось. Кроме того, с помощью этих документов можно установить некоторых участников этих операций из числа наших сограждан и организаций (это уже с привлечением ФСБ), то есть будущих наёмников: «самооборона», «ополчение», «повстанцы» и т. д. — типичные «прокси». Квинтэссенцией добытых мною сведений было то, что некоторые эти самые «прокси» готовились на территории стран бывшего СССР, но по статье расходов «Россия». Генштаб жаждал вскрыть всю сеть специальных операций, направленных против России, но пока что прямых и явных доказательств того, что россияне и бывшие наши сограждане по СССР должны действовать на территории России, не было. Я сам обратил внимание, что часть сведений уводила нас в тему подготовки граждан Белоруссии, но на территории Литвы и по статье расходов «Российская Федерация». Открытые публикации научных исследований Наци-

ональной военной академии США (USMA), более известной как Вест-Пойнт (главной из пяти военных академий США), говорили о том, что Россия тоже применила некоторые элементы специальных операций в войнах в Чечне, и в итоге (через ошибки, боль и кровь) вполне успешно. Мне даны были ссылки на эти статьи, и я их внимательно прочитал в интернете. После этого согласился с утверждением Генштаба, что мир вплотную подошёл к ведению войн «нового типа».

Непосвящённому читателю надо пояснить, что, несмотря на наличие в структуре ГРУ различных аналитических подразделений и даже мощнейшего НИИ по этому профилю, всё-таки от ГРУ требовалось только обобщение информации, систематизация. Настоящая аналитика – за Главным оперативным управлением Генштаба и подчинённым ему Центром военно-стратегических исследований вместе с профильными кафедрами академии Генштаба, Общевойсковой академии и в некоторых случаях академии видов Вооружённых сил. Мне уже объяснили по-простому, что Начальник Генерального штаба не интересуется интерпретацией информации от своего ГРУ. Этим занимаются совсем другие офицеры и генералы Генштаба, имена которых никто не знает. Кроме того, надо понимать, что главным в нашей армии является вовсе не министр обороны, а начальник Генштаба. Формально, на публике, на парадах – министр, а реально не он. То есть не слишком наша система военного управления отличалась от американской, точнее, у нас сформировалась

очень похожая система РЕАЛЬНОГО военного управления. И в США, и в России министры были, по сути, политиками, главной задачей которых был заказ вооружений и всего необходимого для армии. Таким образом, в обеих странах главы Генштабов (в США – Комитет начальников штабов) выводились из-под политических дел. Это основа так называемых «глубинных государств», не зависящих от партий и смены правительств.

С приходом на пост министра обороны друга В. Путина С. Иванова всё, что я написал выше, стало явным и понятным всем, кто хоть что-то понимает в военных делах. Поэтому не вызвало никакого удивления, что ГРУ поставлена задача искать и найти компромат на политических деятелей США, но эту задачу я продолжал считать нереальной и даже не задумывался на эту тему. У разведчика-нелегала есть кое-какие привилегии, которые он сам может себе позволить.

Глава 1.

В один из дней зашёл к сенатору, пообщались слегка, вполне добродушно. Он мне с некоторым нажимом сообщил, что Джимми полностью отошёл от всех дел, стал настоящим военным пенсионером и отправляется в путешествие по Европе, хочет длительное время пожить в Швейцарии, потом в Австрии, потом в Северном Тироле на севере Италии. Но самое главное из сказанного – чтобы я полностью прекратил любые контакты с Полом и Эбигейл.

– Сэр, я с ними вообще не общаюсь.

– Отлично!

– Но, сэр, поясните, пожалуйста, с чем это связано. Очень вас прошу.

– А что ты так беспокоишься?

– Всё-таки я имел с ними дела. Вы должны меня понимать.

– Не беспокойся. По этой части ситуация у меня тревоги не вызывает. Просто налоговики интересуются их доходами. Там у Пола были кое-какие специфические долги перед государством. Он многое выплатил, но долги ещё остались, траты какие-то там появились. Не знаю точно. Не думаю, что у этой парочки не хватило ума сделать всё умно, если даже и завелись у них какие-то денежки непонятные. Наверняка они нормально соображают в этом направлении. Но когда идут такие проверки, то лучше проявить осторожность.

Сенатор встал и молча протянул мне лист бумаги, где от руки было написано:

«В синей папке возьми светокопии листов. Они твои. Это очень важная информация. Это первая часть. Остальное позже. Сроки пока что не назову. Кроме этого, на последнем листе содержится текст одной моей просьбы. Я прошу соблюдения принципа взаимности при нашем сотрудничестве. Мне нужна взаимность! Я оказываю вам услуги бескорыстно и хочу, чтобы и мне бескорыстно оказывали услуги».

Бескорыстно... Ну, пусть будет так. Пусть так думает. Куда ты теперь от меня денешься? Только попробуй... Стоп! Это даже хорошо, что он так думает. Наши требуют ни в коем случае не унижать его и так далее. Это понятно и так. Кто-то большой из ГРУ начал мне писать, задачи ставить, кто-то слишком правильный – видать, теоретик.

Я внимательно прочитал текст и поднял глаза на сенатора, а он, в свою очередь, забрал у меня этот лист и сказал:

– Когда будешь готов, сообщи мне ответ. Я буду его ждать.

Сенатор подошёл к камину и сжёг лист. Пепел тщательно разворошил.

У себя в кабинете я внимательно изучил переданные документы. Это большая пачка листов в форме таблиц, где был указан головной исполнитель и перечень номенклатуры вооружения, которое он изготавливает. Под ним графы его субподрядчиков с указанием наименования (номенклатуры) изделий, которые они поставляют генеральному подрядчи-

ку. Таким образом, наши специалисты ГРУ (в своей части) и Главного управления вооружений министерства обороны могли установить, какие детали кто из субподрядчиков поставляет этим крупным головным исполнителям. Полистал и понял, что в этой большой пачке мелким шрифтом указаны данные только одного головного исполнителя по линии ВВС США. Пришло дальнейшее понимание, что из себя представляет государственный оборонный заказ в США и что в России он наверняка вполне сопоставимый. Этот гигантский размах!

Вот где русские дороги, вот они, русские школы в глубинке с туалетом на свежем воздухе. Ну и коррупция, конечно. Хотя... Но я-то теперь знаю точно, что она и у них вполне соответствует их масштабу. Про нашу не знаю, но догадываюсь. Куда же без неё. Видимо, так везде оборонка работает. Там, где коррупция, нашему ГРУ вполне можно работать, думаю, мои братья этим занимаются вполне успешно.

На последнем листе была изложена просьба сенатора. В ней сообщалось, что в России по уголовному делу задержан и содержится в СИЗО некий предприниматель. Просит снять с него все обвинения и вернуть его бизнес. Поясняет, что с соответствующей просьбой к нему обратился очень ценный и давний приятель, который является для него важным источником информации, ценной для нас, включая ту, которую он передаёт сейчас.

Всё фотографирую, надо заложить в тайник. Бумаги необ-

ходимо сжечь. В данный момент единственная возможность безопасно сжечь целую пачку бумаг – это камин у себя дома. Но это надо лишний раз передвигаться по городу с опасным грузом. Тоже риск, но и выхода другого нет.

Всё сделал. Теперь осталось дожидаться ответа от наших.

Неожиданно быстро, уже следующим утром приходит условный и короткий сигнал от наших, означающий «да».

Направляюсь к сенатору и сообщаю, что его вопрос будет решён положительно. Сенатор доволен, не скрывает этого, но про информацию я не осмеливаюсь его спросить. Подумал, что он будет выжидать и продолжит после того, как узнает результаты этого «да». Хотя, может, я о нём неправильно подумал. Непонятно.

Пришли новые очень грозные инструкции по работе со связью. Сразу видно, что это требования какого-то очень большого начальника из ГРУ. Интересно, кто он?

Выбор за мной. Это моё неотъемлемое право. Электронные средства связи я очень мало использовал, только для подачи условных сигналов и самых экстренных случаев. Короткие сообщения – через бар. Остальное – через тайники. Я ещё от Громова знал, что в девяти случаях из десяти причиной провала разведчиков была связь: ошибки, лень, просчёты и незнание (своевременное) о новых способах контрразведывательной работы противника. Последнее было самым непредсказуемым и вполне естественным. Отсюда определённое недоверие к техническим (электронным) средствам

(схемам) связи и подачи сигналов.

В свою очередь, Коваленко использовал курьеров (на жаргоне ГРУ – гастролёров). Кто эти курьеры, я не знал.

Поскольку этот вопрос вызывал у меня огромное беспокойство, то я подробно расспросил Коваленко о том, как это работает. Он меня успокоил, всё выглядело надёжно. Написал, что курьеры – это наши же офицеры, прибывшие сюда в туристических, реже – в деловых целях. Иной раз просто транзитом по пути на пляжи Мексики и Доминиканы или в другие страны Латинской Америки. Или агенты-иностранны, полностью проверенные и подконтрольные. В любом случае они быстро покидают США и следуют в страны со слабым контрразведывательным режимом, а там, уже в отеле, они передают материалы нашим офицерам. Далее, как правило, документы немедленно попадают к резиденту ГРУ в этой стране, но и он с ними знакомиться не имеет права. Вскрываются пакеты резидентом только в присутствии шифровальщика. Первым делом, естественно, проверяются соответствующие «маркеры», которые мною установлены строго по инструкции. Это уже проверка курьера. Составляется и подписывается акт. Далее документы забирает шифровальщик. Понимая моё искреннее беспокойство по поводу шифровальщиков, Коваленко мне и это нормально разъяснил. Объяснил, что все шифровальщики ГРУ закончили Череповецкое высшее военное командное училище связи, других нет и быть не может. Вообще, офицеров радиоразведки

всех уровней, от разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий до самых важных резидентур ГРУ во вражеских столицах, готовит только это училище. Соответственно, негласный отбор будущих абитуриентов, позднее – курсантов, начинается через ФСБ ещё со старших классов школы и далее только по нарастающей. Поэтому шифровальщик в резидентуре ГРУ в любой стране, а тем более в США, Великобритании и странах «подскока», – это просвеченные насквозь люди и их семьи. Кроме того, шифровальщик проживает прямо на территории посольства, никогда не покидает её, даже в отпуск не ездит. Прибытие и убытие из страны – только в сопровождении одного, а часто двух офицеров ГРУ. Даже в туалет в аэропорту он один не ходит.

К этому времени и в связи с коренным изменением моего статуса изменилось и моё отношение к тайникам. Всегда существовало требование ГРУ об использовании тайника только один раз. Сейчас из сообщения это требование просто гремело, я прямо представил хороший командирский мат на директрисе БМП (участок местности с вышкой на полигоне), когда стрельба отчего-то «не пошла» или «первый выстрел» не произошёл ровно в «семь-ноль». Поскольку устройство тайников мне давалось с большим трудом, это требование я игнорировал, а моё руководство, хоть и нехотя, с раздражением, но с этим соглашалось.

После этих грозных сообщений система работы с тайниками была мною устроена уже в полном соответствии с ин-

струкцией. Как?

Во-первых, у меня давно было оборудовано несколько тайников, о них знал только я. Эти тайники нужны для хранения различных специальных средств, фальшивых документов, денег и прочего. Они нужны на разные случаи, включая полный провал и экстренную эвакуацию. Это святое, и соблюдалось мною всегда неукоснительно.

Во-вторых, были тайники для передачи сообщений и материалов, официально они назывались «тайник для связи», я их сделал в большом количестве, в основном рядом с опорами линий электропередач и другими линейными объектами, всё строго по инструкции. Такие тайники можно было легко найти, а проведение каких-либо земельных работ в этих местах крайне маловероятно. Эти тайники стали одноразовыми, как и требовал этот грозный из штаба ГРУ.

Во всех тайниках закладывал материалы в пластиковый водонепроницаемый контейнер.

Инструкции ГРУ строго запрещали использовать в качестве тайника какие-либо дупла деревьев, сливные бачки унитазов и тому подобное, что частенько можно увидеть в фильмах.

В моём случае ситуация со связью осложнялась тем, что я совершенно не владел технологией тайнописи, шифроблокнотами и прочими микрографиками, микроточками. Просто не хотел этому учиться самостоятельно, по инструкциям. Впрочем, не только поэтому, но и потому, что они казались

мне уже устаревшими.

Поэтому работал проще, гораздо проще, чем это было приятно в ГРУ. В конце концов, это прежде всего мои риски. Как? Например, так: приходил в ресторан, направлял фото блюда или нескольких блюд по условному адресу. Подготавливал под определённую цену. Наши понимали, что это значит. Иногда в ответ получал фото из московского или новосибирского ресторана от «друга» с разными приветственными словами и комментариями. Это ничего, как правило, не значило. Но самое главное – мой собеседник задавал вопрос о стоимости чека. Интересно же, что и сколько стоит в этих ваших Бостонах и Америках. Вполне нормальный вопрос. Я фотографировал этот чек, подогнав его под нужную цифру. К примеру, чек был на 125 долларов, значит, тайник № 12 в моей собственной нумерации. Или чек на 86 долларов, значит, тайник № 8. В резидентуре этот номер имел, конечно, свою буквенно-цифровую комбинацию. Ну и всё в таком духе.

Глава 2.

Вместе с инструкциями пришли рекомендации от психологов по работе с такими, как Нино, из которых я узнал, что для значительной части артистов балета актуальна проблема преодоления страхов, среди которых наиболее типичными являются: боязнь педагога, страх профессиональных экзаменов, страх считаться неперспективным. Короткое резюме: балерины, увы, не внеземные создания, а такие же, как большинство из нас, «приземлённые» люди. У каждой есть свои привычки. Они тоже бывают жизнерадостными и хмурыми, тихонями и стервами. Есть одна общая черта для всех: они трудоголики. Без самоотдачи на сцену путь заказан. Даже для того, чтобы хоть на час—другой стать фарфоровой статуэткой из бабушкиного серванта. Кроме того, моё внимание обратили на то, что почти у всех артистов присутствует такое качество личности, как тщеславие, то есть болезненная потребность доказывать своё превосходство, получать похвалу от окружающих, добиваться славы и почестей. Это отрицательное качество личности, и именно оно мне сейчас нужно.

Благодаря полученным материалам я неплохо подготовился к первой встрече с Нино. Но... было одно «но». Кто-то неизвестный и очень консервативный из ГРУ, возможно, из академии ГРУ настаивал, чтобы я имел на Нино убедительный компромат. Обращал внимание на неустойчивость пси-

хики у данной категории людей, изменчивость настроения, обидчивость и предлагал страховаться только через страх. Не вербовать через страх, а страховаться. То есть указывал на конкретный механизм создания зависимости, так как люди этой профессии – очень плохой вербовочный материал, чрезвычайно склонный ко всем видам предательства.

Получалось так, что с практической точки зрения для меня не было разницы между Людой и Нино. Да, это совсем разные люди, но суть у них одинаковая. К такому умозаключению я тогда пришёл.

Этот же неизвестный, опытный и консервативный писал, что у таких людей, как Нино, скорее всего, две возможные сильные зависимости: сольные (главные) роли на сцене и дети. Он настаивал попробовать завербовать Нино по убеждению. Выстроить отношения на общих политических взглядах, на симпатии и доверии, постепенно втянуть её в разные дела и лишь после этого дать ей понять, что у неё есть зависимость чисто в страховочных целях, и то только в том случае, если она окажется глупа и сама не будет понимать незаметно образовавшуюся зависимость.

Решил попробовать следовать этим рекомендациям, ведь, со слов неизвестного офицера, именно такой подход должен быть главным в моей нынешней службе. Именно он характеризует настоящий профессионализм разведчика-нелегала (по его мнению).

Позвонил Нино, договорились поужинать в ресторане на

следующий день.

Накануне поговорил с Вильте, сказал ей, что мне пришла в голову идея попробовать начать свой бизнес. Обосновал это тем, что хочу создать что-то для страховки, на случай, если у меня что-то не так пойдёт с Ричардом, на работе. Сказал, что пришла идея создать хореографические курсы для детей после встречи и собеседования с Нино.

– Сниму помещение. Зарегистрирую бизнес. Найму Нино для проведения занятий с детьми. Возьму её в и фирму на испытательный срок, пока не найдём достаточное количество учеников. Потом посмотрим, как быть. Завтра с ней встречаюсь в ресторане и обговарю все повороты.

– Нормальная идея. Готова тебе помочь, – сразу откликнулась Вильте.

– Единственное, что мне не нравится и что вызывает беспокойство, – это то, что если Нино уйдёт на другую работу, найдёт лучшее место, то и нам придётся закрываться.

– Найдёшь другую Нино. Этот бизнес, как и ресторанный или бизнес красоты, жёстко привязан к месту, к локации. Поэтому наймём маркетологов и риелтора. Риелтор подберёт варианты помещений, маркетолог проведёт исследование этого места по локации и представит отчёт, из которого мы будем знать, чего в том месте в избытке, а чего не хватает. Например, напишет, что в этом помещении лучше устроить парикмахерскую, типа в этом районе их нехватка, а спрос большой.

– Ого!

– А как ты думал? Я подключаюсь к твоему делу и эту часть работы возьму на себя. И смотри там с этой балеринкой поосторожней! Хотя пока что ты в своём праве, и не мне тебе устраивать сцены ревности. Я бы хотела сама с ней поговорить, отдельно от тебя.

– Я подумаю.

– Думай. Но с женщинами надо уметь разговаривать, надо дать ей как следует понять, чтобы даже не рассчитывала быть любовницей хозяина и забить на работу. То есть любовницей чьей-то она может быть, но здесь ни на что не рассчитывать.

Удивился тому, что Вильте так загорелась этой идеей. Что называется, с пол-оборота. Очень странно.

В самом начале разговора сообщил Нино, что по-прежнему всё ещё раздумываю насчёт её трудоустройства, что окончательное решение не принял.

– Почему вы сомневаетесь во мне? Неужели вы думаете, что я не справлюсь с обязанностями, не смогу овладеть нужными навыками? Кстати, таблицы эксель я уже щёлкаю как орешки!

– Нино, скажи мне, пожалуйста, почему ты не смогла устроиться в балетную труппу тетра оперы и балета в России? Ведь в России много театров оперы и балета.

– Не знаю...

– Неужели не думала на эту тему? Неужели не анализировала?

– У них там, в России, для того чтобы тебя взяли, недостаточно быть просто хорошей балериной. Да, если ты талант, ты обязательно пробьёшься. Известно, что талант всегда находит себе дорогу. А если ты как многие, то...

– А что требовалось? Что тебе помешало?

– Много чего. Многое зависит от твоего педагога, от его возможностей тебя устроить. Связи. Или нужно, чтобы ты была любовницей могущественного человека.

– Связей у тебя, как я понял, не было?

– Были. Но недостаточные. Меня месяцами кормили обещаниями. Ничего не выходило, не получалось.

– А почему ты не завела себе любовника?

– Вы это серьёзно?

– Конечно. Просто хочу понять. Говорят, в вашей театральной среде это норма, и наверняка ты обо всех этих правилах знала давно. Ты не соглашалась с этими правилами? Почему? Говори откровенно.

– Если честно, то стать любовницей у кого-то реального не так просто. Я же не могу подойти к нему и заявить что-то. Просто тогда ещё не понимала, как это сделать.

– А сейчас уже понимаешь?

– Сейчас уже очень хорошо понимаю.

– А теперь смогла бы занять влиятельного любовника?

– В принципе, да. Но при условии попадания в определённую среду, круг общения. Сейчас и здесь это невозможно. Я в лучшем случае могу стать любовницей мясника из сосед-

ней лавки.

– Ну а всякие там нормы морали и прочие душевные терзания?

– После всего того, что я прошла, они меня совершенно не смущают. Тогда ещё как-то сдерживали эти всякие нормы. Сейчас все эти мысли позади. Я уже готова пойти на всё что угодно, мне надо выживать и кормить своего ребёнка, учить его и воспитывать, содержать маму. Я в отчаянии.

– У тебя была мечта стать прима-балериной?

– Все об этом мечтают. Все! Конечно! Я молилась и боролась за эту мечту. Абсолютно все в своих мечтах видят себя в примах Большого или Мариинки. Почему вы об этом спрашиваете?

– А почему не в Тбилиси?

– Что такое тбилисский театр по сравнению с русским балетом?! Хотя в Грузии тоже русский балет, что бы там ни говорили эти новые грузинские власти! Чушь! Полная чушь. Нет и не может быть грузинского балета, мы составная и неотъемлемая часть великого русского балета, театра, культуры. Нас всех на этом воспитывали. Могу поспорить, что я лучше вас знаю великую русскую литературу, великое русское кино советского периода.

– Интересно. Какая у тебя любимая книга?

– У меня? «А зори здесь тихие...» Бориса Васильева. А у вас?

– «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, и

фильм этот люблю. А ты какой фильм любишь больше всего?

– Тоже «А зори здесь тихие...», но ваш любимый фильм тоже обожаю.

Разговор полностью перешёл на тему русской литературы и кино. С Нино было по-настоящему интересно, она действительно знала больше меня. В основном наши оценки и вкусы совпадали.

– Не пробовала свои силы в драматическом театре?

– Нет. Я тогда ещё не сдавалась.

– А сейчас попробовала бы?

– Если бы жила в России, то обязательно бы попробовала.

Здесь бессмысленно даже мечтать об этом.

– Я могу тебе предложить роль в театре под названием «офис». Главную роль и очень необычную.

– Не поняла.

– Нино, если я тебя возьму, ты должна будешь мне во всём помогать, даже в самых нетривиальных вопросах, которые не являются напрямую твоими трудовыми обязанностями. Другими словами, есть официальные задания и работа, а есть другие задачи. Их надо выполнять, причём беспрекословно. Необходимо быть преданной мне абсолютно! Мне нужен надёжный единомышленник, который будет верить мне, а я ему.

– Что делать надо? Что это за задания такие?

– Нужно выйти на сцену, то есть в офис, и сыграть главную роль – стать единственной любовницей большого человека.

- Тем самым разбить очень вредный любовный треугольник.
- Другими словами, я должна затащить в постель очень важного мужика?
 - Нет. Такой задачи нет. Задача – разбить треугольник. Сможешь это с постелью – нет проблем. Справишься без постели – ещё лучше.
 - А это возможно вообще?
 - Я тебе предлагаю творческую работу. На многие вопросы у меня нет ответов. Поверь, я буду только рад, если ты с ним спать не будешь, но при этом выполнишь задачу.
 - Интересно, как?!
 - Я подумал, что тебе должно быть интересно. Твой ответ?
 - Я с огромным удовольствием беру эту роль! Обожаю подобные ситуации. Здорово! Вы меня взяли? Я хочу услышать ответ.
 - Да. Я взял тебя на эту роль. А теперь поклянись, что ты меня никогда не подведёшь.
 - Никогда не предам и не подведу. Спасибо!
 - Нино, ты любишь заниматься с детьми?
 - Я обожаю детей.
 - А ты любишь учить детей балету?
 - Я просто мечтала этим заниматься!
 - Тогда, если у нас всё получится, со временем, возможно, ты будешь этим заниматься. Особенно если выполнишь задачу.

Первые четыре дня Нино обучалась у старшего секретаря,

и лишь на пятый приступила к самостоятельному исполнению обязанностей.

Люда первой сообщила о том, когда придет Ричард. Отправил ему сообщение и попросил обязательно выделить не менее часа на мой доклад. Ричард появился в офисе ближе к вечеру. Я его ждал, надо было с ним обсудить наши производственные проблемы и уточнить информацию о планируемых встречах в департаменте полиции города.

С лёгкой руки Майка я добыл наиценнейшую информацию о том, что городские полицейские затребовали у мэрии полностью переоснастить и значительно расширить видеонаблюдение в городе. Под эту задачу мэрией должны быть запланированы огромные деньги. Такое упустить мы не могли, и Ричарду срочно надо было встречаться с людьми, которые будут планировать закупку, выбирать подрядчика. Самым главным было то, что критерии отбора подрядчика по тендеру должны быть полностью подстроены под наши преимущества и деловую репутацию. Это была бесценная для Ричарда и своевременная, что ещё более важно, информация. Он неимоверно возбудился. Вне всяких сомнений, мой авторитет в его глазах опять укрепился, сильно вырос. Ведь с соответствующим письмом от городского департамента полиции на имя мэра были знакомы всего несколько человек, и пришло оно в мэрию всего два дня назад.

Нино была в полной готовности.

Ричард позвонил из своего кабинета и попросил зайти,

как только от него вышел генеральный менеджер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.